

Услышав от Ван Юаньчэня, что прибыл Фу Исянь, Чун И почувствовал, как к сердцу необъяснимо подступило смутение. Он инстинктивно скосил взгляд на Сыиня — юноша тоже смотрел на него, замороженно ловя каждое движение господина. Император резко сел в постели и в легком замешательстве спросил:

— Сяошань? Зачем он пришел так рано?

Ван Юаньчэнь, почтительно склонив голову, подошел ближе и вполголоса доложил:

— Владыка десяти тысяч лет, на рассвете из Дворца Вечного Покоя прибыл евнух Фэн с устным повелением вдовствующей императрицы. Ее Величество изволит пригласить Вас и государыню императрицу разделить с ней утреннюю трапезу. Я не осмелился потревожить сон Вашего Величества, а потому первым делом пригласил бакалавра Фу, дабы вместе обсудить, как лучше поступить.

Чун И повелительным жестом велел Ван Юаньчэню помочь ему одеться, а сам раздраженно проворчал:

— Неужели все слуги вокруг меня — дырявые кувшины, в которых вода не держится? Не успело случиться мало-мальское происшествие, как о нем уже донесли вдовствующей императрице. Ван Юаньчэнь, немедленно разберись и выясни, у какого мерзавца оказался столь длинный язык.

Слуга поспешно закивал, испуганно косясь в сторону выхода. Сквозь щель приоткрытых дверей виднелся залитый утренним светом двор. Там, в золотистых лучах зари, стоял вполоборота Фу Исянь. Заложив руки за спину, он задумчиво смотрел куда-то на юго-запад. Еще вчера, согревая душу вином в компании Гэн Яньхэ в дворцовом саду, бакалавр сменил строгое чиновничье облачение на неофициальное — просторный шелковый халат сапфирового цвета, в котором сразу угадывалась тончайшая работа сучжоуских мастеров. На ногах его были легкие туфли из гладкой парчи. Налетевший ветерок заставил подол халата всколыхнуться; Фу Исянь опустил взгляд и небрежным движением поправил складки одежды.

Ван Юаньчэнь невольно засмотрелся на эту картину, из-за чего он на миг замер. Чун И проследил за взглядом слуги. Облик Фу Исяня дышал безупречным спокойствием, и лишь несколько прядей у висков слегка растрепал легкий ветер.

Император отвел взор и наткнулся глазами на Сыиня. Тот со смиренным видом стоял на коленях у постели, бережно держа в руках расшитую туфлю из императорской желтой парчи. Чун И вновь взглянул на стоящего снаружи Исяня, а затем снова опустил глаза на юношу. Сыинь, приняв это пристальное внимание за знак благосклонности, преисполнился робкой радости, и он заискивающе улыбнулся.

«И все же никто в целом мире не сравнится с моим Сяошанем, — с тоской подумал Чун И. — Сегодня он узнал о Сыине... Что он теперь думает обо мне? Что, если он искренне разгневан? Как мне тогда быть?»

Раздражение тяжелым комом подкатило к горлу, стоило государю вновь взглянуть на ползающего у ног юношу. Не сдерживая порыва, император резко вытянул ногу и наотмашь пнул Сыиня прямо в грудь. Тот, не ожидая удара, кубарем покатился по гладким плитам пола, пока со всего маху не врезался в огромную бронзовую курильницу, отлитую в форме цапли с распростертыми крыльями. От толчка тяжелая чаша дрогнула, и на голову несчастного просыпался серый пепел, покрыв его лицо и одежду грязным налетом. Вид у него стал на редкость жалким.

Услышав шум, Фу Исянь обернулся. Внутри залы все слуги уже пали ниц, затаив дыхание от страха. Сыинь торопливо поднялся с колен и, не смея даже отряхнуться от пепла, вновь принял покорную позу, склонив голову до самого пола. Не понимая, что произошло, Исянь поспешил войти в покои и склонился в глубоком поклоне перед повелителем.

Чун И, выместив злость на подвернувшемся под руку евнухе, немного поостыл. Он небрежным жестом велел подняться и указал гостю на стул.

— Сяошань, как думаешь, что мне теперь делать? — спросил император.

— По скромному мнению Вашего слуги, вдовствующая императрица вряд ли знает о том, что произошло минувшей ночью, — мягко ответил Фу Исянь.

— Вот как? — Чун И на мгновение задумался, но тут же покачал головой. — Нет. Всех слуг для императрицы подбирал Департамент императорского двора. А Фэн Кунь заправляет там уже более трех лет. У этого лиса уши везде, так что весть наверняка долетела до него в мгновение ока.

«Раз уж ты прекрасно знаешь, сколько шпионов Фэн Куня крутится возле императрицы, зачем же совершил столь безрассудную глупость? — мысленно вздохнул Фу Исянь. — Гнев вдовствующей императрицы грозит лишь парой строгих выговоров. Но не дай бог об этом прознает принц Чжуан — тогда последствия будут куда серьезнее».

Оставив эти размышления при себе, вслух бакалавр произнес совсем другое:

— Из слов почтенного Ван Юаньчэня я смею предположить, что Ее Величество осведомлена о Вашем пребывании в Зале Резонирующей Гармонии, однако едва ли догадывается, что Вы покинули Дворец Молитвы Феникса посреди брачной ночи.

Ван Юаньчэнь поспешил вставить слово:

— Владыка десяти тысяч лет, судя по тому, как держался Фэн Кунь, он и впрямь не ведает истинного положения дел.

После этих слов Чун И заметно расслабился.

— Сяошань, так как же нам поступить?

Фу Исянь, продумавший все еще по дороге во дворец, ответил без малейшего промедления:

— Выход из этой ситуации прост, и ключ к нему — сама императрица. Вашему Величеству следует немедленно отправиться во Дворец Молитвы Феникса. Стоит лишь поговорить с ней, как все прояснится. Полагаю, Ее Величество уже успела должным образом ответить на расспросы вдовствующей императрицы, выгородив Вас. Вам нужно лишь осыпать супругу милостями и успокоить ее слуг. Она лишь недавно переступила порог этого дворца, и если государь проявит к ней благосклонность и заботу, ее сердце наполнится радостью. Тогда придворные поймут, как высоко Вы цените супругу, и не посмеют пренебрегать ею или выносить сор из избы.

При этих словах перед мысленным взором Чун И возник нежный, чистый образ Линьсю — робкой невесты, какой она предстала пред ним прошлой ночью. Императора болезненно кольнула вина. Прополоскав рот соленой водой, он вздохнул:

— Да, ты прав. Пусть будет так, отправимся во Дворец Молитвы Феникса.

Придворные потянулись к выходу гуськом. Один лишь Сыинь, не получив дозволения подняться, так и остался стоять на коленях — побитый, удрученный и всеми забытый. Только услышав, что государь собирается навестить императрицу, он осмелился украдкой взглянуть. Смотрел он вовсе не на господина, а на Фу Исяня.

Сколько раз в интимные минуты император шептал это имя: «Сяошань... Сяошань» — без счета, сотни раз! Сыинь понимал, что его собственное восхождение и ласки повелителя были лишь слабой тенью любви к этому загадочному человеку. Когда-то он попытался разузнать о нем у Ван Юаньчэня, но в ответ получил лишь суровую выволочку. И вот теперь истинный Сяошань стоял перед ним. Не в силах совладать с жгучим любопытством, евнух жадно ловил каждое его движение.

Фу Исянь обладал поразительной проницательностью. Стоило ему войти в покои и оглядеться, как он сразу понял, кто стал причиной ночного безумства императора. Подобные альковные интриги внушали чиновнику глубокое отвращение, однако при виде понурившегося юноши в его душе невольно заговорила жалость. Этот несчастный ребенок, оскотленный в столь юные годы, оказался волей рока привязан к такому непредсказуемому и взбалмошному хозяину, как Чун И. Вся его жизнь превратилась в хрупкую игрушку на ветру, и винить его в происходящем было трудно — у него попросту не оставалось иного пути.

Уходя, Исянь еще раз окинул Сыиня беглым взглядом и неожиданно встретился с ним глазами. Юноша смотрел на него исподлобья — в его бегающем взгляде сквозила мрачная, затаенная злоба. Это выражение лица мгновенно стерло едва зародившуюся жалость бакалавра. Он отвернулся и безмолвно последовал за императором на выход.

У крыльца уже ожидала легкая паланкинная повозка под одиночным желтым зонтом.

Кланяясь, Фу Исянь произнес:

— Ваш покорный слуга провожает Ваше Величество.

Чун И, уже занесший ногу над подножкой, замер. Услышав прощальные слова, он тут же отступил назад и цепко схватил Исяня за широкий шелковый рукав:

— Как так? Разве ты не пойдешь со мной?

Вопрос был настолько нелепым, что бакалавр не сдержал мягкой, снисходительной улыбки:

— Ваше Величество, Дворец Молитвы Феникса — это часть внутренних покоев. Для внешних чиновников вход туда строго воспрещен. Как ваш покорный слуга может следовать за священным паланкином в женскую обитель?

Чун И упрямо насупился, помолчал немного и отрезал:

— Я дарю тебе особое высочайшее дозволение.

Фу Исянь лишь покачал головой:

— Ваше Величество, для слов есть правила, для поступков — мера, и закон этот одинаков как для правителя, так и для его слуг. Даже сын Неба не должен потакать своим прихотям вопреки устоям предков.

Видя, что разумные доводы не действуют, император пустил в ход свое излюбленное оружие — детское упрямство и капризы:

— Мне все равно! Если ты не пойдешь, у меня на душе будет беспокойно. Хорошо, тебе не обязательно переступать порог дворца — просто подожди меня снаружи, у ворот. Договорились?

— Облегчать заботы государя — долг каждого подданного, но в этом вопросе я непреклонен, — мягко, но твердо возразил Исянь. — К тому же у Вашего Величества были веские причины провести ночь в Зале Резонирующей Гармонии. А утренняя трапеза, назначенная Ее Величеством вдовствующей императрицей — это проявление материнской заботы и семейного тепла. Почему же правитель великой империи чувствует робость перед собственной семьей?

С этими словами он попытался осторожно высвободить рукав, однако Чун И лишь крепче вцепился в его ладонь. Тогда Фу Исяню пришлось перейти на доверительный шепот:

— Ваше Величество, умоляю, полно ребячиться. Если мы упустим время, это лишь породит новые пересуды.

Чун И заговорщически склонился к нему и тоже зашептал на ухо:

— Тогда скажи: «Императорский старший брат, я не сержусь». Пока не скажешь — с места не двинусь.

От подобного ребячества у Фу Исяня голова пошла кругом. Ему было и смешно, и досадно. Досадно оттого, что правитель великой державы совершенно забыл о приличиях перед слугами: как он, скромный чиновник четвертого ранга, не имеющий ни капли императорской крови, может называть владыку братом? Смешно же было от детской непосредственности, с которой Чун И требовал этой глупой клятвы, глядя на него с абсолютной серьезностью.

Исянь упрямо покачал головой:

— Ваше Величество, подобные капризы не подобают мужу. Мой язык не повернется произнести такое. К тому же у меня нет причин гневаться на Вас.

Однако император мертвой хваткой держал его за руку, не желая отпускать. Они продолжали тихо препираться, перетягивая рукав туда-сюда, пока стоявшие поодаль евнухи и гвардейцы недоуменно переглядывались. Ван Юаньчэнь, понимая, что драгоценное время уходит, решил вмешаться. Он шагнул вперед и взмолился:

— Ваше Величество, господин бакалавр, умоляю, пора в путь! — и умоляюще посмотрел на Исяня.

Фу Исянь понял, что у него нет выбора — упрямство монарха могло затянуть дело до полудня. Крепя сердце и едва заметно шевеля губами, он процедил сквозь зубы:

— Императорский старший брат... я не сержусь.

Чун И не выдержал и звонко прыснул. Наконец отпустив руку своего советника, он победоносно подмигнул Ван Юаньчэню и, довольный собой, нырнул под шелковый навес паланкина.